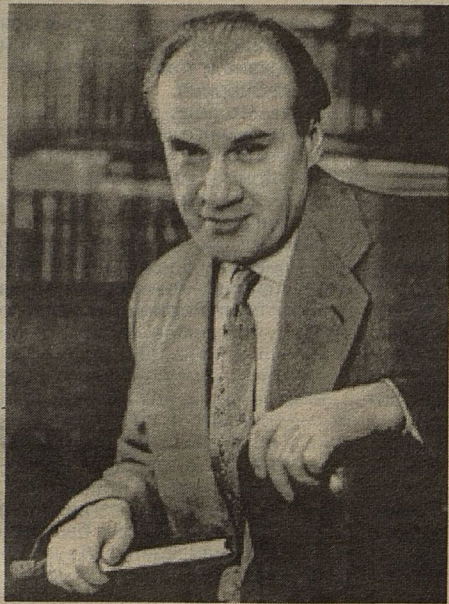

Переделки у Корнея Ивановича. И даже сфотографировал их. Корней Иванович держит под руку отца, они улыбаются, а в глазах у обоих — та самая симпатия, о которой пишет Чуковский.

Как известно, «Бармалей», так себя называл Чуковский, открыл в Переделкино детскую библиотеку. И просил отца прислать для нее портрет и книги. Вот что он писал отцу по этому поводу: «У нас в библиотеке есть особый почетный шкаф — для книг, подаренных авторами. На самой почетной полке этого почетного шкафа будут храниться книги, принесенные Вами в дар переделкинским детям... У нас на стене висят портреты Михалкова, Барто, Маршака, Катаева, Кассиля и Пантелеева, и как рады будут дети, когда к этим портретам присоединится портрет их величайшего любимца и друга».

АКВАРИУМ

Отец принадлежал к числу тех немногих людей, которые умеют любить и все человечество, и ближнего своего. И детвору вообще, и меня одного, а потом и своего внука Игоря... Любовь его выража-

под ним прогнул. Отец починил его как мог, но стол пришлось оставить на том же месте — в качестве прикрытия образовавшегося дефекта.

Отец всегда с участием относился к моим увлечениям. Но я, как и Незнайка, метался от одного к другому. Однажды, в канун моего дня рождения (мне исполнилось 6 или 7 лет), он сказал, что я могу сам выбрать себе подарок: игрушечную железную дорогу или, поскольку я обожал животных, клетку с белыми мышами. И в последнюю очередь добавил: «Или фотоаппарат». Возможно, из-за того, что магическое слово «фотоаппарат» было произнесено последним, я брякнул: «Фотоаппарат». Решение было судьбоносным. Фотография, которая всегда была увлечением отца, стала делом и моей жизни, и моего сына Игоря. Будущее внука Ванечки пока не совсем ясно: ему идет десятый год. Но фотографическая «зараза» вселилась и в него. Сейчас в Подольске проходит выставка «Фотоискусство», в которой выставлены работы всех Носовых, в том числе и его. И они вызвали горячее одобрение зрителей. Кто знает, может, и младший Незнайка продолжит династию фотохудожников...

О МОЕМ ДРУГЕ ДЕДУШКЕ

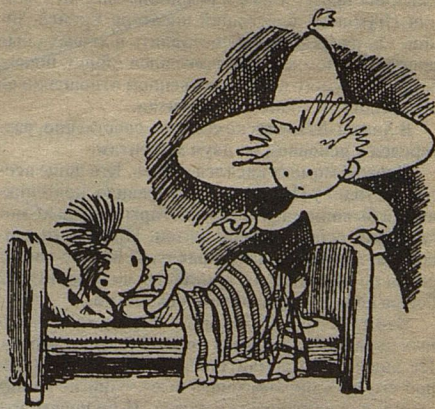
Когда я был маленьким, то называл дедушку «дидя» и очень любил с ним играть. Некоторое время мы жили с дедушкой в одной квартире. И волей-неволей его рабочий день начинался с меня, потому что каждое утро я будил его. Тогда он решил это дело упорядочить и провел в свою комнату миниатюрный звонок, работавший от электрической батарейки. Кнопка находилась в коридоре и соединялась проводом со звонком в его комнате. К этой кнопке, едва проснувшись, я и бежал утром. Я не только будил дедушку, но и требовал внимания чуть не на весь день. Я не понимал, что ему надо работать, и думал, что он живет со мной в одной квартире только для того, чтобы играть. И я не помню, чтобы мои «вторжения» когда-нибудь раздражали его; он всегда бывал мне рад.

Особенно запомнились наши частые прогулки вдоль железной дороги у Киевского вокзала. Дедушка водил меня за руку по путям, объясняя многие непонятные вещи. Например, чем отличается паровоз от электровоза, зачем нужны семафоры с призрачно-синими глазами... Как-то на товарной станции мы обнаружили огромную гору песка, взобрались на нее и стали строить дворцы, крепостные стены и дороги. Это был наш собственный город, и я долго не хотел уходить, боясь, что другие люди разрушат его. На следующий день мы снова пришли туда: на этот раз с игрушечными машинами и солдатиками. К моей радости, город стоял на месте. Уже много лет спустя, читая книги о Незнайке и его друзьях, о сказочных городах Змеевке и Солнечном, я вспоминал наш песочный городок у железной дороги.

Во всех забавах дедушка участвовал со мной на равных — ползал по ковру, расставлял пальмы, даже устраивал «нечаянные» аварии, а когда игра происходила в ванной, где плескался океан, изо всех сил дул на кораблики, едва не тонувшие под тяжестью пластилиновых матросов. Иногда наши морские игры переносились в комнату, и тогда диван превращался в корабль, а дедушка, став капитаном, исподволь учил меня географии: маршруты наших путешествий тщательно отмечались в школьном атласе. Однажды своими познаниями в географии я удивил даже своих родителей. Как-то говорили об Англии, что-то там случилось. Я прислушался и спросил: «Это в Лондоне, что ли?» Мама изумилась: «Боже! Ребенок и разговаривать-то почти не умеет, а уже знает о Лондоне!» Повзрослев, я понял, что дедушка не просто со мной играл, а всегда чему-то обучал.

Вскоре игры стали дополняться серьезными занятиями. Дедушка учил меня рисовать (сам он рисовал довольно хорошо), а когда мы вместе лепили из глины или пластилина, исправлял мои ошибки. Я до сих пор берегу десятки вылепленных нами зверюшек: мы относились к ним очень бережно, расставляя на книжной полке. Пластилиновые игрушки были самые разные: от слонов и носорогов до выдуманного дедушкой Незнайки на «газированном» автомобиле.

Позднее я раскрыл секрет Николая Носова, книги которого так любят дети: взрослый Носов остался ребенком, он знал и уважал своих друзей — детей...

ОН ОТКРЫЛ СТРАНУ НЕЗНАЙКИ...

Николаю НОСОВУ — 90 лет

Лит. Россия — 1998 — 11 дек. — с. 10

Какой необыкновенной фантазией обладать, чтобы выдумать сказочную страну коротышек или малышей величиной с небольшой огурец. И чтобы в этой стране было бы все по-настоящему. Так казалось в детстве, что этот симпатичный народец действительно живет где-то на Земле, что там и в самом деле путешествуют на воздушном шаре, а машины у них работают на газированной воде с сиропом. Что каждый из малышей занимается своим делом, у каждого — свой характер, кто-то из них лодырничают или проказничают, а кто-то, начитавшись книг, «страшно поумнел» и всех беспрерывно поучает тому и сему. Или вдруг всею овладевает страх, порождаемый слухом, будто где-то рядом появился стоголовый дракон, что он поедает человечков и избавиться от него можно, если плюнуть ему на хвост... Словом, все как в жизни: радости, страхи, нелепости и все прочее.

Но вот это «как» уже появилось позднее. Маленькой девочкой я сначала просила родителей читать мне про Незнайку, а потом, когда научилась читать сама, он все равно оставался моим, нет, не просто любимым героем, а другом или младшим братом, которому хотелось помочь или, наоборот, подшутить над ним. И мне казалось, что эти малыши и малышки живут где-то, может быть, даже недалеко, что у них действительно есть свои города. И что писатель Николай Николаевич Носов только «подсмотрел» каким-то образом их жизнь и просто все сумел записать. Точно так же, как написал он «Дневник Коли Синицына», «Витю Малеева в школе и дома», «Живую шляпу», «Огурцы», «Тук-тук-тук!» и многие другие рассказы и повести, в которых описаны не маленькие, а самые настоящие девчонки и мальчишки. Правда, ни в одном из них вы не найдете имени «Петя». И вот почему. Свой самый первый рассказ «Затеяники» Николай Николаевич написал в 1938-м, когда еще работал кинорежиссером научных и учебных фильмов. Там одного из героев звали Петей, так же, как и его сына. Кто-то возьмется и скажи Носову, что, мол, он ничего не придумывал, а просто описал своего Петю, и все. Это было неправдой. Но этим именем он больше ни одного из своих героев не назвал. Однако иногда в шутку называл сына Незнайкой. Поэтому некоторые считают его прообразом сказочного героя. Но мне кажется, что на Незнайку похожи многие дети. В том числе и сам Николай Носов: почитайте его автобиографическую повесть «Тайна на дне колодца», и вы убедитесь в этом...

Стать не просто прообразом, а собственной персоной расположиться на литературных страницах суждено было внуку писателя Игорю. О его дошкольном детстве Николай Николаевич написал «Повесть о моем друге Игоре». Мне повезло быть знакомой с этой удивительной семьей. И наблюдать за тем, как во взрослом Игоре проскальзывает доброта, еще какие-то черты характера, манеры того маленького Игоря из повести. А когда читаешь какой-либо рассказ, повесть или письма писателя Носова, то слышишь речь Петра Николаевича, удивительного рассказчика.

В канун юбилея я попросила поделиться воспоминаниями о Николае Николаевиче Носове его сына Петра Николаевича и внука Игоря.

Маргарита МАРУТЯН

ЛЮБОВЬ

Приходится порой слышать, что писатель Николай Носов не написал ничего о любви. Видимо, это связано с неосуществленной «Повестью о первой любви». Она должна была стать второй частью автобиографической трилогии. Он успел написать только о своем детстве и юности в повести «Тайна на дне колодца». Действительно, о любви, когда кто-то говорит кому-то, что жить без него не может, а дальше идет совместная счастливая жизнь, Николай Носов не писал. Однако не говорю обо всех детских произведениях, которые переполнены любовью к детям. Перечитайте ту же «Тайну...» — сколько там этого чувства! Вот несколько строк этого произведения.

«Почему ты не спишь? — спрашивает мать. — Пора уже спать». «Еще не хочется», — говорю я. И, конечно же, вру. Я бы должен сказать: «Мне ужасно хочется спать, да ведь если я усну, то уже не буду видеть мою милую мамочку. Вот я и стараюсь наглядеться на тебя досыта, пока не одолел сон».

Они с братом докопались до тайны, о которой говорил им отец: они подняли со дна золотой песок, который когда-то он насыпал туда... Но когда отец узнал об этом, то только посмеялся над сыновьями, потому что настоящей-то тайной оказалась их любовь с матерью.

А любовь и должна оставаться тайной. Поэтому чувство, связавшее моих родителей, даже для меня осталось секретом.

«БАРМАЛЕЙ И ВИТЯ МАЛЕЕВ»

«...чувства любви и дружбы... связывают нас — Бармалея и Витю Малеева — с первой же нашей встречи». Это строки из письма Корнея Ивановича Чуковского Николаю Николаевичу. Как-то — это было зимой 1959 года — я побывал с отцом в

ласе во внимании к моим проблемам, в готовности всегда прийти на помощь. При этом он был всегда строг и никакого сюсюканья себе не позволял.

У меня была мечта заиметь большой аквариум. Маленький стоял у стены, но это же совсем не то... Во время войны, понятно, было не до этого. Но вот война закончилась. Настроение у всех поменялось. И мы с отцом решили сделать аквариум сами. В одном из букинистических магазинов, в которые он очень любил наведываться с юных лет, он раздобыл книгу про аквариумы.

Мы жили втроем в одной из комнат в коммунальной квартире. Комната была довольно просторной, с шикарным паркетом. И вот мы с отцом в середине нашего жилища замешиваем цемент, устанавливаем толстые стекла, добытые с большим трудом. Два дня мы провозились с нашим сооружением. Потом неделю, согласно инструкции, аквариум должен был сохнуть. Мы дали ему возможность просохнуть две недели. А тем временем искали подходящие ракушки. Но когда попытались поднять или хотя бы сдвинуть аквариум в направлении того места, которое он должен был занять, оказалось, что сделать это невозможно. Как мы ни бились, не сдвинули его ни на миллиметр — таким тяжелым он оказался. Так он и остался стоять посреди комнаты пустым. Меня никто не упрекнул в этой, оказавшейся печальной, затее, а аквариум решили прикрыть столом. В те времена обычно столы ставились в середине комнаты под абажуром. Центр нашей комнаты оказался немного сдвинутым.

Через год отец купил мне настоящий большой аквариум. А куда девать плод наших трудов? Только ломать. А ломать было жалко. Но делать нечего, и через день мы все-таки решились, сломали и выбросили его по частям. Оказалось, пол

Маргарита Марутян

11.12.98